

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

tatsad_90@mail.ru

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУДНЕВ

доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

rudnevd@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ПРОСИТЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Рассматривается эволюция жанра просительного документа в аспекте развития языковых форм выражения акта прошения в истории русской деловой коммуникации. В системе древнерусских просительных жанров челобитная занимает особое место: в этом типе документа в полной мере отражена метафора допетровской Руси как государства – метафора семьи. Поэтому преобладающие речевые формулы, обслуживающие фигуру просителя, это формулы обиды и почти родственного порицания верховной власти за то, что ему (просителю) живется худо, что «обеднял [он], платишком ободрался» и под. Со сменой типа государства, со времени Петра I, прошение становится менее эмоциональным, формулы обиды и порицания сменяются формулами «державного уничижения» фигуры просителя, появляется большое число терминов, обозначающих чин, статус и официальные регалии адресата. Челобитная как жанр остается, но она теряет личный характер обращения: все письма к государю рассматривает его канцелярия, поэтому вводится более строгая структура этого документа, утверждаются первые формуляры челобитных. Дальнейшая регламентация и устроение структуры приводят к изменению самого названия этого жанра: сначала прошение (XIX век), а затем – обращение и заявление (XX век). Четкая структура документа, ограниченный набор речевых формул, почти полное устранение элементов живой речи – все эти и другие языковые качества просительного документа отражают последовательное отчуждение государства от человека: государство представляется не семьей, а машиной, в которой каждый человек – винтик в сложном механизме.

Ключевые слова: история делового стиля, просительные жанры, язык XVIII века, государственная коммуникация, челобитная, прошение, метафора государства

Для цитирования: Садова Т. С., Руднев Д. В. Из истории русских просительных жанров: лингвистический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 5. С. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493

ВВЕДЕНИЕ

История русского делового языка, несмотря на многочисленные исследования и даже появление отдельной отрасли в современном языкознании – документной лингвистики, до сих пор не имеет систематизированного описания [7], [15]. Этот факт лишь на первый взгляд может показаться удивительным: главная трудность, с которой сталкиваются исследователи, связана с поиском и определением, с одной стороны, магистральной линии развития делового языка и причин происходивших изменений, а с другой стороны, с отбором тех единиц в деловых текстах, которые имеют наиболее репрезентатив-

ный характер и должны сопоставляться в разных временных слоях. Деловые тексты, как правило, становятся лишь источником для изучения тех или иных языковых явлений, происходивших в языке в целом, но не для изучения самого делового языка как цельной стилистической системы.

Трудно преодолимой проблемой является огромный объем разновременных деловых текстов, дошедших до современного исследователя, а также их жанровое разнообразие, изменяющееся со временем в связи с постоянным расширением функций делового общения. Без сомнения, эффективным средством преодоления перечисленных трудностей стало применение к изучению

делового языка (в том числе в диахронии) теории речевых жанров.

О ЖАНРОВОМ ПОДХОДЕ В ИЗУЧЕНИИ ДОКУМЕНТНОГО ЯЗЫКА

Жанровый подход в изучении столь разных по функции и назначению текстов позволяет показать их жесткую обусловленность прагматическими условиями, в которых эти тексты создаются. Причем в число прагматических факторов деловой коммуникации включаются не только адресат и адресант, информация об их целях и интенциях, но и сведения о способе речевого взаимодействия адресата и адресанта, которое всегда имеет отчетливо исторический характер. Последний фактор чаще других становится ключевым в выборе языкового оформления того или иного документа, поскольку способ взаимодействия власти и общества неизбежно навязывается государством.

Документная коммуникация по своему первичному назначению имеет отчетливо государственный характер, составляя основу государственной коммуникации: государство активно вмешивается в процесс формирования документа, часто определяя не только его форму, но и содержание, а также связь с конкретными ситуациями, наконец, регламентируя речевое поведение автора. Однако вмешательство государства в языковое оформление документа имеет и свои пределы, обусловленные, с одной стороны, уровнем развития языка той или иной эпохи, с другой – навязанной государственной властью формой общения с обществом, которая связана в том числе с уровнем демократичности этого общения. Характер общения с властью во многом определяется и так называемой метафорой государства [5: 152], а именно – историческими принципами его устройства, целью и ценностными установками государства, декларируемыми властью и принимаемыми обществом.

«Метафора власти выступает как способ познания ее глубинного содержания (когнитивная функция) и как модель поведения между участниками политической коммуникации (моделирующая функция)» [11: 174].

РАННИЕ ЖАНРЫ-ПРОШЕНИЯ: ЖАЛОБНИЦА, СЛЕЗНИЦА, ЧЕЛОБИТНАЯ

Показательна (в аспекте сказанного) история просительных документов, направляемых от частных лиц в государственные органы власти и ярко демонстрирующих так называемую вертикальную социальную коммуникацию, в данном случае – «снизу вверх»: от человека к власти [4]. Просительные документы (жан-

ры-прошения) имеют длительную историю под разными названиями: *жалобница*, *слезница* (слезная жалоба) (XV–XVI века), *челобитная* (последняя четверть XVI века – 1780-е годы), *прошение* (с конца XVII века до 1780-х годов одновременно с челобитной, с 1786 года (вместо челобитной) до 1917 года), *заявление* (а также *обращение*, *жалоба*, *просьба*, *ходатайство*) [14: 103, 106]. Смена названий просительных документов – сама по себе – факт примечательный: зачастую такая смена сопровождала очередной период значительных государственных преобразований в стране, неизбежно отражающихся на «вертикальных» отношениях между человеком и властью.

Первоначальное название этого жанра – *жалобница* – указывает на исходную связь просительной речи (и письменной, и устной) с почти «семейным отношением» к властному лицу, от которого ждут не столько действий, сколько ответной жалобной эмоции, сходной с родительским участием. Не случайно *жалоба* в народной речи «это и ‘изъявление обиды <...> в широком диапазоне оттенков чувства и переживаний – от сетования, печали и просьбы о помощи до ропота, упреков и хулы’, и в последовательной метонимической номинации – ‘дорогой, милый человек, кто вызывает жалость’» [6, I: 252]. Такие отношения характеризуют онтологически родовое общество, при котором государство – семья, а властное лицо – родитель, старший рода, к которому обращаться и страшно, и вольно одновременно, потому что «старший» имеет право на наказание и милость, а «младший» беспрекословно признает это право, но неизменно то, что духовно это родственники, близкие люди.

Название *челобитная* утвердилось в приказный период России. Происхождение названия возводят к сочетанию *бить челом* ‘низко кланяться’, известному в русском языке с конца XIII – начала XIV века. По одной из версий, это сочетание является калькой с китайского языка, проникшей в русский язык через посредство тюркских, где «дословно значит ‘головой бия, делать заявление’» [13: 71]. Если это так, то любопытным оказывается предпочтение лексемы «чело» относительно близких ей синонимов древнерусского языка «лоб» и «голова» при калькировании исходного заимствованного выражения. Можно объяснить это предпочтение тем, что «чело как ‘верхняя часть лица <...> зримый образ духовных сил человека’» [6, II: 479] наиболее точно указывает на степень подчиненности человека в изменившемся государстве: это уже не столько обращение с просьбой о помощи близкому

человеку, сколько покорное и смиренное самоуничтожение перед «внешней» властью с желанием обратить на себя высочайшее внимание. Это несколько иной тип общественного взаимоотношения – признание права верховной власти на покорение духа человека. Можно также предположить, что выражение *бить челом* проникает в русский язык в результате монгольского завоевания, отражая знакомство монголов с китайской культурой управления после завоевания Китая. Слово «челобитная» как лексикализованное словосочетание в форме субстантивированного прилагательного ярко демонстрирует так называемую экономию языковых средств, столь характерное для устной речи языковое явление. Следует думать, таким образом, что термин «челобитная» – единица живой речи, которая уже к XVII веку имела терминологический характер в деловой коммуникации. К этому времени челобитная включала множество функциональных разновидностей, обозначенных эпитетами: *исковая, явочная, изветная, повинная, мировая, отсрочная, ставочная, собственно челобитная* и др.

ЯЗЫКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОБИТНОЙ КАК УСТОЙЧИВОЙ ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ

В языковом отношении жанр *челобитной* обнаруживал несомненную связь с живой речью, вместе с тем для него была характерна достаточно жесткая структурированность. Челобитная состояла из трех частей: 1) в начальной части указывался царский титул, сочетание «бьет челом», автор челобитья, его социальный статус; 2) в основной части излагалось содержание просьбы; 3) заключительная часть включала обращение к адресату и глагол *смиловаться* или *пожаловать* (или оба сразу) в форме императива. Например:

«Црю гсдрю и великому кнзю Алеѣѣу Михаиловичу всеа Руси бьет челом холоп твои сотник московскихъ стрелцов Ганка Бибилов служу я холоп твои тебѣ гсдрю всякие твои гсдрвы службы и одолжал великим долгом и обеднял платишком ободрался и пит и есть нечево млсрдыи гсдрѣ црь и велики кнзъ Алеѣѣу Михаиловичъ всеа Руси пожалуи мнѣ бѣдному и должному холопу своему на платишко и что пит и есть какъ тебѣ млсрдному гсдрю о мнѣ бѣ извѣстит црь гсдрѣ смилуися пожалуи» [8: 33].

Начальная и конечная части имели устойчивый характер, основная часть была свободнее по исполнению, однако в ней содержались разнообразные устойчивые компоненты.

Связь с исходным бытовым жанром *жалобы* проявлялась в обилии эмоционально-оценочной лексики, в стремлении разжалобить своего адре-

сата и побудить к выполнению нужных для адресанта действий. Однако в отличие от жалобы в челобитной чрезвычайно подчеркивалось могущество адресата (властного лица), его милосердие и справедливость (*милостивый, милосердный*) и одновременно беззащитность, униженное положение и слабость адресанта.

Смирение духа, читаемое в номинации документа, в полной мере отражалось и в содержании текста челобитной. Последнее подчеркивалось в том числе многочисленными диминутивными формами самоименования челобитчика (полуимена типа *Гришка, Васька*) и всего, что было с ним связано (*домишки, платишко, службишка* и под.), оценочными определениями *бедный, виноватый, горький, (много)грешный, нищий, нужный* ('нуждающийся'), *последний, сиротский, скудный, убогий* и под., которые прилагал к себе проситель. Такое лексическое наполнение челобитной, чуждое современным жанрам с просительной прагматикой (например, заявлению или обращению), отражало зрелое средневековое представление об устройстве государства, которое мыслилось в виде феодального дома с государем, посаженным править волей свыше. Это уже не близкие «семейные отношения», но еще «домашние»: еще признается законное право одного человека стоять над другим в границах общего дома. Этим объяснялся сохранившийся личный характер обращения к адресату в челобитной, использование разнообразных средств воздействия и, среди прочего, форм императива.

ПРОСИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ЭПОХУ ПЕТРА I И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ВРЕМЕНА

В результате петровских реформ челобитная как жанр сохранилась (вместе с тем с петровского времени стало параллельно употребляться слово *прошение*), однако произошла ее существенная трансформация. Произошло сужение числа документов, называвшихся словом «челобитная»: к эпохе Екатерины II челобитными назывались только некоторые виды документов, связанные с судом, – *явочные, апелляционные, исковые, мировые челобитные*. Остальные виды челобитных XVII века стали называться иначе – *доношение, промемория, прошение* и др. Весьма показательно, что в Словаре Академии Российской прошение уже определяется как канцелярский термин – «письменное изъявление какого-либо своего желания, подаваемое в судебное место или начальнику» – и снабжается характерной пометой: «в приказн. нареч.»¹.

Появление новых названий документов свидетельствовало о процессе специализации документов. Челобитная как название жанра исчезает

в 1786 году, когда вышел сенатский указ, согласно которому из формуляра просительных документов исключались слова *бию челом, челобитье, челобитная*, которые заменялись на слова *прошу, прошение, приношу жалобу* [10: 714]. В переименовании челобитных прослеживается стремление государства разорвать с предшествующей приказной традицией.

Петровские преобразования не привели к исчезновению челобитных, однако челобитные претерпели ряд изменений в своем формуляре, композиции и отчасти языковом оформлении. Изменились принципы взаимодействия между автором челобитной и адресатом. Указ от 3 января 1702 года предписывал, чтобы челобитные и прочие просительные документы подписывались не полным именем, а полным именем и фамилией. В марте 1702 года был издан указ, касающийся формы прошений на царское имя, которые должны были начинаться формулой *Державнейший царь, государь всемилостивейший*, а заканчиваться *Вашего Величества нижайший раб*.

Указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года оговаривал структуру челобитной и давал ее образец:

«Титло

Потом бьет челом имрак на имрака, а в чем мое прошение, тому следуют пункты, и писать пункт за пунктом.

1.

Прошу Вашего Величества о сем моем челобитье решение учинить.

Все суды и розыски имеют по сей форме отправляться...»²

Указы 1714 и 1715 годов ограничили подачу челобитных и доношений непосредственно царю, а указ 1718 года запретил обращение к царю с челобитными, установив за это суровое наказание [2]. В этих изменениях прослеживается несколько целей государственной власти. Прежде всего можно отметить, что отношения между автором челобитной и адресатом теряют личный характер: хотя адресант обращается на имя императора, документ поступал в одно из государственных учреждений, то есть коммуникация приобретала опосредованный характер. Следствием этого стала утрата разнообразных средств убеждения адресата, автор больше не использовал эмоционально-оценочную лексику, не пытался его разжалобить — он просил о своем «*челобитье решение учинить*». Государство властно вмешивается в принципы составления документа: стремясь сделать информацию документа более доступной, оно предписывает изложение по пунктам и по законодательно установленной форме. Пожалуй, самое важное заключается

в том, что власти меняют принципы ролевого поведения в просительных документах, навязывая просителям новые номинации и принципы построения документа (европейские по своему характеру). За этими изменениями стоит отказ властей от прежней метафоры государственного устройства: гражданам навязывается новый образ государства-механизма. Документная коммуникация, в частности просительные документы, начинает отражать эту метафору. Язык петровских документов олитературируется, постепенно видоизменяя свою исходную устную основу:

«...обращение к высшей власти, таким образом, теряет свой непосредственный характер, что находит свое выражение в деловых документах, в которых устная, непосредственная традиция заменяется более опосредованной книжной» [12: 108].

В грамматическом отношении весьма примечательной выглядит утрата в челобитных форм повелительного наклонения глагола. Вот пример челобитной 1740-х годов, отразившей изменения, произошедшие в ее формуляре и языке:

«Всепросветльишии державнейишии великии гсдрь императоръ и самодержецъ всероссиискии гсдрь всемилостивѣишии

Бьет челом Первого Московского полку прапорщикъ Григорей Бражников а о чемъ мое прошение тому следуютъ пункты

1

Минуваго генваря 30 дня был именованы в гостях за Яузою рекою в приходе церкви Мартына исповедника в доме ассесора Ивана Иванова сна Мокеѣва на лошади своей мерине рыжемъ грива налево с отметом впряжена в сани пошевни на ней хомут ременной узда ременная возжи пенковые

2

И с оного двора не веь каким случаем оная моя лошадь ушла неведома куды

3

И того ж генваря 31 дня оную свою лошадку смотрил в приводе при Московскои полици

И дабы высочайшимъ вашего императорского величества повелено было показанную мою лошад отдать мне именованному с роспискою

Всемилостивѣишии гсдрь прошу вашего императорского величества о семъ моемъ прошении решение учинит 1741 году февраля дня прошение писал Московскои полици кописъ Яковъ Москвинъ к подаанию надлежитъ во онои же полици

К сему прошению Григорей Бражниковъ руку приложилъ» [9: 164].

Несмотря на властные усилия, язык челобитных сохранял устно-разговорную основу. Принудительное членение текста по пунктам не могло изменить текучего разговорного синтаксиса документов, хотя и заставляло автора более четко излагать свою мысль.

В дальнейшем обязательное членение текста просительных документов по пунктам исчезло. Кардинальные изменения произошли в языке жанров-прошений в начале XIX века в связи с общим олитературиванием деловой речи в ходе министерской реформы. Как отдельный вид жанров-прошений, а именно – собственно прошение XIX – начала XX века обязательно включало в текст комплиментарное сочетание «честь имею» (калька европейских формул учтивости (ср. фр. *J'ai l'honneur*, нем. *Ich habe die Ehre*), законодательно введенное в деловую документацию в качестве обязательного элемента этого типа жанров в начале XIX века. Например:

«Его высокопревосходительству Г. Министру Народного Просвещения, Еяграфу Петровичу Ковалевскому.

Отставного артиллерии поручика Графа Льва Николаевича Толстаго

Прошение.

Прилагая при сем программу журнала Ясная Поляна, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство о разрешении мне означенного издания.

Гр. Левъ Николаевичъ Толстой.

20-го апреля 1861 г.

Жительство имею:

Крапивенского уезда Тульской губернии въ сельце Ясная Поляна³.

Формуляр прошения отличается большей четкостью: в качестве отдельно оформленных реквизитов в нем представлены адресат, адресант, название документа, подпись, дата и обязательный для XIX – начала XX века реквизит «место жительства». Можно отметить смещение первых двух реквизитов вправо, которое продолжилось и в последующем. Язык прошения в этих случаях почти полностью лишен признаков разговорной речи.

В советский период просительные документы вновь переименовываются, отражая изменение отношений между гражданами и властями, на смену прошения приходит *заявление*: «советский гражданин не просил, а заявлял» [1: 290]. Просительные документы подверглись дальнейшей регламентации и формализации, язык заявления становится суше, он постепенно лишается комплиментарности, характерной для прошения. Эти изменения отражали последовательное обезличивание документной коммуникации, которая все сильнее начинала воплощать лежащую в ее основе механистическую метафору государства. Государственная коммуникация становится все более формализованной, в ней отдельный человек представляется как стандартизированный тип коммуниканта, как «колесик и винтик»⁴ великого государственного механизма.

В постсоветский период эта тенденция только усиливается. Участники так называемой властной коммуникации – представители государственной власти и общество – сегодня редко общаются напрямую, чаще это общение опосредованно: разросшийся государственный аппарат и бюрократические процедуры безусловно отдалают человека от властных структур, а коммуникация «снизу вверх» становится все больше формализованной [3: 22]. Это отражается и в языковом устройстве таких современных документных жанров-универсалий, как обращение, заявление, служебная записка. Их «просительная» семантика уже не заключена в названии, она зачастую раскрывается внутри текста и выражается прежде всего личными формами глаголов *просить, требовать*, устойчивыми сочетаниями *обращаться с просьбой, вынужден просить* и под. Метафора государства-механизма (машины) в XXI веке получает предельное языковое выражение во всех формах властной коммуникации, не только в просительных жанрах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование диахронических изменений в рамках одного жанра (хотя о единстве жанра говорить в этом случае можно лишь с большими оговорками) позволяет проследить отчетливую связь между изменениями в языке, композиции документа и изменениями в прагматике государственной коммуникации.

Изменение названий просительных жанров, моделей построения текста, их языка в течение XVI–XX веков отражало изменение отношений между просителем и властью. Генетически восходящие к бытовому жанру просьбы, просительные документы на начальном этапе обнаруживали тесную связь с разговорной речью, преимущественно в области лексики и грамматики. По мере отчуждения отношений между просителями и властью, особенно после смены базовой метафоры государства (модель государства-семьи сменяется моделью государства-механизма), усиливаются регулярные начала в просительном тексте – в его структуре и содержании, а также в его речевом исполнении. Речевое оформление этого типа документов с петровского времени испытывает влияние письменной речи, ощутимо возросшее с начала XIX века, когда деловой язык включается в литературный в качестве его функционального стиля. Ощутимо меняется и модальность просительных документов: явная оценочность и прямо выраженная императивность просительных документов допетровского времени устраняются в связи с устранением из деловой коммуникации субъективного начала.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб.: Имп. Академия наук, 1789–1794. С. 689.
- ² Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, Генваря по 28 число, 1725 году... СПб.: Имп. Академия наук, 1739.
- ³ Прошение Л. Н. Толстого министру народного просвещения о разрешении издания журнала «Ясная поляна» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pedagogika/proshenie-tolstogo-ministru.htm> (дата обращения 20.01.2020).
- ⁴ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полное собр. соч.: В 55 т. М.: Изд-во политич. лит., 1958. Т. 12. С. 101.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв.: Очерки. М.: Элпис, 2005. 448 с.
2. Емышева Е. М. Законодательное регулирование производства дел по челобитным в первой четверти XVIII века // Делопроизводство. 2006. № 1. С. 75–77.
3. Ермаков С. В., Ким И. Е., Михайлова Т. В. Власть в русской языковой и этнической картине мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 409 с.
4. Качалкин А. Н. Содержательно-стилевые свойства деловых текстов XVII века // Русская речь. 2014. № 6. С. 69–76.
5. Кирсанов Я. А. Метафора машины власти в дискурсе Нового времени (на материале трактата Т. Гоббса «Левиафан») // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. 2009. № 1. С. 151–159.
6. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: В 2 т. СПб.: Златоуст, 2014. Т. I. 592 с.; Т. II. 592 с.
7. Кушнерук С. П. Документная лингвистика: Учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоград. ун-та, 2007. 96 с.
8. Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Сост. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1968. 338 с.
9. Памятники Московской деловой письменности XVIII в. / Ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1981. 318 с.
10. Русанова С. В. Термины «челобитная» и «прошение» в законодательных актах XVIII в. // Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. Т. 12. № 3. СПб.: Наука, 2016. С. 705–716.
11. Садова Т. С., Руднев Д. В. Метафора государства и государственный язык // Языковая норма. Виды и проблемы: Материалы V Междунар. пед. форума / Ред. Л. А. Вербицкая, С. И. Богданов, С. В. Друговейко-Должанская и др. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 174–182.
12. Хайдаров Ф. А. Развитие русского делового текста (Изменения в грамотках и челобитных на рубеже XVII–XVIII вв.) // Словообразование. Стилистика. Текст: Номинативные средства в текстах разных функциональных стилей. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 102–108.
13. Чашина Е. А. Из истории одного юридического документа // Русский язык в школе. 2011. № 1. С. 70–74.
14. Юнаковская А. А. Становление и развитие жанра «письменное прошение» (на материале сибирских архивов) // Жанры речи. 2014. № 1–2. С. 102–106.
15. Янковая В. Ф. Документная лингвистика: Учебник. М.: Академия, 2011. 288 с.

Поступила в редакцию 10.02.2020

Tatyana S. Sadova, Doctor of Philology, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
tatsad_90@mail.ru

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Philology, Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)
rudnevd@mail.ru

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PETITIONING GENRES: THE LINGUISTIC ASPECT*

The article investigates the evolution of the petitioning document genre in the context of the development of linguistic forms of expressing acts of petition in the history of Russian official communication. In the system of old Russian documentary genres, the petition takes a special place: this type of document fully reflects a family metaphor of the pre-Petrine state. Therefore, the prevailing speech formulas serving the figure of an applicant are formulas of resentment and almost family-like censure of the supreme authorities, who are responsible for the fact that applicants live poorly, that “they became poor, have torn clothes”, and so on. With the change of the type of state during Peter the

Great's reign, petitions become less emotional, the formulas of resentment and censure are replaced with the formulas of "sovereign humiliation" of the applicant figure, a large number of terms appear for indicating the addressee's rank, status, and official regalia. Petition is preserved as a genre, but it loses its intimate character of appeal: all letters to the sovereign are now examined by his office, therefore, a more strict structure of this document is introduced, and the first official petition forms are approved. Further regulation of petition structure leads to a change in the name of this genre itself: first the petition (XIX century), and then the appeal and the application (XX century). A clear document structure, a limited set of speech formulas, almost complete elimination of elements of live spoken language – all these and other linguistic features of a petitioning document suggest the estrangement of the state from its citizens: the state does not present itself as a family, but as a machine where every person is only a screw in a complex mechanism.

Keywords: official style history, petitioning genres, eighteenth-century Russian language, state communication, petition, application, state metaphor

* The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (Project No 20-012-00338).

Cite this article as: Sadova T. S., Rudnev D. V. From the history of Russian petitioning genres: the linguistic aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 5. P. 8–14. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.493

REFERENCES

1. Granovskaya L. M. Russian literary language in the late XIX and the XX centuries: Essays. Moscow, 2005. 448 p. (In Russ.)
2. Emyshova E. M. Legislative regulation of petition proceedings in the first quarter of the XVIII century. *Records Management*. 2006. No 1. P. 75–77. (In Russ.)
3. Ermakov S. V., Kim I. E., Mikhailova T. V. Power in the Russian linguistic and ethnic picture of the world. Moscow, 2004. 409 p. (In Russ.)
4. Kachalkin A. N. Content-style properties of business texts of the XVII century. *Russkaya Rech'*. 2014. No 6. P. 69–76. (In Russ.)
5. Kirsanov Ya. A. Metaphor of the machine of power in the discourse of the New Age (based on the material of T. Hobbes's treatise *Leviathan*). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2009. No 1. P. 151–159. (In Russ.)
6. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. Dictionary of Russian mentality: In 2 vols. St. Petersburg, 2014. Vol. I. 592 p.; Vol. II. 592 p. (In Russ.)
7. Kushneruk S. P. Document linguistics: A textbook. Volgograd, 2007. 96 p. (In Russ.)
8. Moscow business and household writing of the XVII century. Moscow, 1968. 338 p. (In Russ.)
9. Texts of Moscow business writing of the XVIII century. Moscow, 1981. 318 p. (In Russ.)
10. Rusanova S. V. Terms "chelobitnaya" and "proshenie" in the legislation of the XVIII century. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. 12. No 3. St. Petersburg, 2016. P. 705–716. (In Russ.)
11. Sadova T. S., Rudnev D. V. The metaphor of the state and the state language. *Language norm. Types and problems: Proceedings of the V International Pedagogical Forum*. St. Petersburg, 2018. P. 174–182. (In Russ.)
12. Khaydarov F. A. The development of the Russian official text (Changes in gramotkas and chelobitnayas at the turn of the XVII and the XVIII centuries). *Word formation. Stylistics. Text: Nominative means in texts of different functional styles*. Kazan, 1990. P. 102–108. (In Russ.)
13. Chashchina E. A. From the history of one legal document. *Russian Language at School*. 2011. No 1. P. 70–74. (In Russ.)
14. Yunakovskaya A. A. The formation and development of the genre "written request" (on the material of the Siberian archives). *Speech Genres*. 2014. No 1–2. P. 102–106. (In Russ.)
15. Yankovaya V. F. Document linguistics: A textbook. Moscow, 2011. 288 p. (In Russ.)

Received: 10 February, 2020